

Наталья Разувакина

Поэт и журналист. Автор трех книг стихов, публикаций в разных литературных журналах. Абсолютный победитель международного конкурса русскоязычной поэзии «45 калибр» (2018). Живет в Переславле-Залесском.

ЛЁГКИЙ ХЛЕБ

Мы выросли в эпоху молочая
Подножным отражением небес —
Не мешкая, немея, не мельчая,
Но молоком на сломе — по губе,
По вороху восторгов и вопросов.
Не гвозди делать — валенки валять
Из нас, не будет валенкам износу.
Кровь из носу — всё дождики да росы,
Да молоком залитая тетрадь.

Мама, всё нормально, просто будни.
Ты же знаешь — я тебя люблю.
Мне сынок устраивает бури,
То в окопы рвётся, то в петлю.

Не звоню. Так трудно слышать голос.
Но звоню. И сразу — к образам.
Стало мне безветренно и голо,
Снится мне ослепшая гроза

Без дождя, сухая, коридоры,
Толпы, сборы, церковь без креста...
Я вчера в деревьях у собора,
Представляешь, видела клеста!

Суп варю, окошко рядом настезь,
Воинская часть — соседний дом.
И спуют Алёнки, Кати, Насти
Цвета хаки — верится с трудом.

И щебечут, поправляя перья,
Нимфы цифрового божества.
Мир давно растерян и потерян.
Но — девчонки, птицы, но — Москва

В холоде черёмуховой пены,
Вырубить — поднимется ль рука?
Будь же ты вовек благословенна,
Мама в ожидании звонка!

Соловьи и голуби, и чайки,
Жёлтый одуванчиковый склон...
Никакой тебе чрезвычайки,
Но весенних глупостей — вагон.

Белую мелодию про чудо
Соловей доставит на хвосте.
Это я. Но я звонить не буду.
Всё нормально. Нету новостей.

Ах, эти мальчики впотьмах,
Ах, эти мальчики!
Им слышен мат, им слышен Бах
Под чёрной мантией
Шинели, шитой второпях —
На всех-то поровну, —
В крестах, в царапинах, в цепях,
Что в рай, что по воду.

Кровавой ржавчиной цветы
Моей косыночки
Взирают плачем немоты
За сына-сыночку.
Держу нечаянный трофей —
Ромашки-лютики.
Кому Матфей, кому Морфей
Свирельно-лютневый.

Обратной тропкой — мне бы слёз,
Но солнце вот оно,
И в танце медленных берёз
Плывёт полотнами.
А это я или не я —
Но навсегда твоя.
Ах, эта лёгкость бытия
Невероятная.

Я была твоими очами, твоею речью,
Я тебе толковала сны, объясняла фильмы,
К самым чистым рекам, морям, что ни есть предтечам
Подводила и — возводила до серафимов.

А теперь — смотри. (У меня же — слеза-чернила.)
Говори, кричи. (Я молчу — времена героев.)
Я тебя пленала — запеленгует сила,
Что глаза закроет, а может — и вены вскроет.

Ты не можешь помнить: снег, фонари-огарки,
Твой басок в ночи — что сакс на девчачьи хоры...
И смеялась нервно потная санитарка:
Народился один за смену — война не скоро!

По-над снегом, по-над порохом, по-над дымом,
По-над миром, где почти невозможно сбыться, —
Колокольным пологом (быть тебе невредимым!)
Расстилаюсь, чтоб летать тебе — не разбиться.

Но — Отцова длань, но — первична Его десница.
Из коробочки-колыбельки берёт упрямо —
То поштучно, а то повзводно.
И будто снится:
«Я солдат идеальный, я... Ты не бойся, мама».

Внутри сюжета нужно доверять. Тому, кто Автор — пишет ли, снимает... Набросков нет, ружью всегда стрелять, мой глаз его под рампой замечает, внимает — пол покатый неспроста, соседи пьют, вселенская общага, окно — обозначение холста в морозный май и монастырь в полшага от нас, не досмотревших про войну вчера под лаской плюшевого пледа, от родины в тылу или в плену, от на полу уснувшего соседа... Зелёные таблетки в синеве, и пальчиками шевелит берёза, не ветер — но безверье в голове, когда из магазина по морозу, про цены и про сводки из сети, о главном — не ворча и не пророча... А снег как порох, Господи прости, как поздняя заслуженная порча. Никто не угадает, мой герой, кто так поёт и кто тебе стирает, во всей огромной пене под горой, под мастерски растёртыми мирами, под Горицким глухим монастырём, зевающим с покорностью медведя цепного, оцеплённого ворьём... Покатый пол, трусы в тазу моём, по локоть в пене, в го-моне соседей я помню про волшебный водоём небес, куда однажды переедем.

Наш лёгкий хлеб, мой милый, лёгкий шаг —
Легко даются, веришь ли? А то же!
Не на конце иглы — карандаша
На кончике нас ангелы тревожат,
Створаживают жизни молоко
До по небу рассыпанной дорожки,
И наяву — легко, легко, легко —
Незримый легион алмазной крошки,
Снежинок безмятежных первых зим
Окутывает нас, оберегает...
Конец иглы, и кот следит за ним,
Как за концом игры, и не моргает.

Серёжа-сантехник, старьёвщик, сапожник Серёжа...
Ты, мать, в телефон-то «Сапог» запиши аль «Баян»...
Ремёсла разнятся, а так что ни рожа — Сирожа,
Да руки... ага, золотые, с землёй по краям,
По ногтю с каймою — метро, говоришь, сексуалы,
Ну да, за сто первым не видели сроду метра,
Берите, сударыня, сносу не будет — нет, налом,
Наличкой, да ланно, не пьян, ну чуток со вчера.

Усмешка, амбре. Шаг назад, дорогие москвички.
У нас за сто первым км что ни Серый — то волк.
Ухватит — так за сердце... Тьфу ты, сказал же — наличкой,
Наличники, кстати, киоты — вы знаете толк?
На днях откопал, из деревни привёз чудов-юдов,
Держите, да правда задаром, отмоешь сама,
На чашке-то скол, не возмёшь — обижаться не буду,
У нас всё одно впереди — то тюрьма, то зима,
Завьюжная тишь или ядерной ярость жар-птицы,
Она же на всех — успевай надышаться травой,
Чайку на дорожку? А глазом-то синим струится,
Он Сергей, он лес, ничегошеньки он не боится,
Он колокол грозный, он волчий полуночный вой.

Разноцветные облака надвигаются гарнизоном связистов,
 Плывут сквозь меня, я контур, не замечают,
 Я сама только что проплывала с такой же ленью
 Неумолимой мимо берёз — желтеют! — сюда, на гору.
 Озеро бирюзовой полоской, внизу, еле видно,
 Сегодня оно — изолента.

Вот так и поверишь, что лето всё-таки было.
 Жара напоследок, один день, смотаю в катушку.

Я вилась вокруг языка вон того колокола —

Прибрежного, нашего, ты знаешь,
 Ты тоже звонил — много раз, с работы.

Сутки врозь — привычные ломки.

Но надо плавно. И надо сильно.

Я была тетивой и луком.

И лук для плова превращала сначала в стекло, а потом в золото.

Я шла, и правая рука — тяжело, пакет пятёрочный —

Не знала о длинной нити чёток в руке левой.

Я оставила букву в этой траве,

Букву Я — пусть желтеет листочком, одним из,

Не замечу, пройдя здесь снова...

Мне говорили — девушка,

Мне говорили — матушка,

Мне говорили — женщина, вы выходите?

Мне говорили — Снегурочка (сосед, почему-то)

И ещё — деточка (старая монахиня, облачные ватки вместо глаз),

И ещё — мама, мама, мам, ну мама, мам, мам...

И вот облако. Нет, не из тех — ночное,

Подушка — раскинь уши, лиса, вытяни лапы,

Забудь всё, колокол спит, и кузнечики скоро смолкнут.

Но звони же — думаю, засыпая,

Ну звони же — если не спишь в своей будке охранника,

Звони!..

— Спи, лисичка (Сквозь дождь за окном).

— Спи, лисичка (Кузнечики смолкли).

— Спи, лисичка (Ты-то знаешь).

Едва успеваю ответить «Целую тоже...»

И накрывает август

Душным хвостом.

Я вдоль тебя лежу-лечу-пою
И ощущаю худенькость свою,
Тростинковость Тристановой печали.
В начале мы, наверное, в конце
Предстали мы пред Божие лице
Без запятых, чтоб мы не различали,

Где отзвуки июня-соловья,
Где песенка летучая моя,
А где ответ на вечное «моя ли?»
Кошачий шаг неистов-шёлков-крут,
То поперёк, то вдоль, а то вокруг
Скольжений в предрассветном одеяле,

И в мареве касается во сне
Твоя рука и водит по спине
Его, моей, не разбирая нежно
Покровы, варианты бытия,
И замирает музыка моя,
И я немножко сплю ещё, конечно.

А я свечку зажгу голубую,
Пусть горит голубая свеча.
Чечевицу тебе наколдую,
У вечерней плиты хлопоча.

Режу лук, и весёлые слёзы
Застилают очки изнутри.
А в окошке танцуют берёзы —
Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Это сумерки, это сумей-ка
Уложиться в мои полчаса.
На столе огневидная змейка,
Голубая под ней полоса.

Это ужас нетленного лета,
Это ужин, которому стыть,
И молитвенный сон Филарета,
Обретённый нестрах и нестыд.

Чечевицу-то можно без хлеба,
Можно — слово твоё обо мне.
Я люблю тебя, ибо нелепо,
Как берёзы танцуют в окне.

А в городе кошек собаки живут,
Весёлые Божие дети.
Они мимо окон идут и идут,
И кошки мои на рассвете
Взирают сквозь тюль на собачью беду,
На радость бездомного лета,
И я мимо окон иду и иду
Той жёлтой дворнягой и этой.
Я переживаю межрёберный страх
И, лапами перебирая,
Обычное «ав» в запредельное «ах»
Бессовестно переминаю.
Я не выбираю — присниться кому,
Я медленно землю читаю,
И замерли кошки в дремучем дому.
И движется ангелов стая.

Мы неслись — не вниз, не вкось и не по спирали,
Мы сгорали ввысь — ты жаждал, чтоб понимали
Нас — а я смеялась: вообще о чём ты?
Я такая была звезда и опять девчонка.

А теперь война, как детство, пришла и пляшет.
И уже не важно, как звёзды встанут, как карта ляжет.
Мы уже полегли, как надо, на чёрном пляже.
Посмотри, мы оба в какой-то саже, в какой-то саже.

Так идут поезда — на север, а север сзади.
Так лисица холкой чувствует врага в засаде.
Так в ладонь целуют — и холод ладони страшен.
Так во сне приходит мама с тарелкой каши.

Не бывает на минном поле хорошей мины
При любой игре — ни дома, ни домовины.
Угольками влёт — я ветрена, ты горячий.
Ну скажи — пройдёт, и я наконец заплачу.

Солнце августа густое, как покрывало.
Всё, что быть могло, со мною уже бывало.
Не прошу о прошлом, я неба прошу у неба.
Ты такой хороший, как прежде никто и не был,

Как выходит враг из засады внезапным другом,
Как лучистый вождь трубу подаёт по кругу,
Учкудук в пустыне, маяк в полночи, Хэм в Париже
И ещё волшебный зонтик из детских книжек.

Но хорош, не жги, сгорев, — экономь движенья.
А вокруг ни зги, ни рая, ни пораженья.
Я уже, я вста, встаю, подымайся тоже.
Плоть и кровь, трава и небо, слова и кожа.

Ну сколько можно о погоде.
Зима-весна-опять зима.
Сегодня хмарь на небосводе,
Вчера качались терема.

Мы никуда с тобой не ходим,
Но неминуемо летим.
И буковки построчно водим,
И чай на кухне кипятим.

А в окнах — Брейгель неизменный,
В душе — наверное, Шагал.
Ещё бы рубль неразменный,
Но рубль в щёлочку упал.

Как падают под снег, под плети,
В забвеньё топкое идут,
Как бывшие родные дети
Молчат, скрываются и врут.

А что пройдёт — то будет мило.
В гробу видала милость ту.
Иди, я свежий заварила.
И о погоде — в темноту,

В полночь, в лепет — святой Боже,
По чёткам — трижды пятьдесят.
Скажи, зачем у нас в прихожей
Часы вокзальные висят?

Переезжали на Страстной
из захолустья в захолустье,
оставив страхи за спиной,
и столько страсти, столько грусти!

Переезжали на Страстной.
Вороны пятничные вдали.
Парное солнце над страной
цвело, как лампочка в подвале.

Из зазеркалья — в беспредел.
Замок дверной зубами клацал.
И в пепел путь земной седел,
А млечный — плакал под матрацем.

К иному небу — новый Ной,
в сумятице, в пыли и в мыле.
А в Воскресенье шли с ночной —
и звёзды были.
Звёзды — были.